

ВВЕДЕНИЕ

1. Изучение культурных языков античного мира, средних веков и раннего периода нового времени дает, прежде всего, большое количество важных сведений о развитии средств выражения в отдельных европейских языках и, кроме того, выявляет важнейшие культурные, идеиные, литературные и межъязыковые контакты на отдельных этапах европейской истории. На европейском континенте, рядом с латинским на западе и греческим на востоке, начинают в средние века постепенно формироваться новые литературные языки (готский, древневерхненемецкий, старославянский, англосаксонский), а позже и отдельные, подлинно национальные языки (итальянский, древнефранцузский, древнечешский, древнеанглийский...). Этой группе, в определенной мере, противостоит старославянский язык, который был создан в качестве литературного языка на основе славянских диалектов области Салоники под влиянием греческого языка св. Константина-Кириллом с целью распространения христианства в Великой Моравии. В отличие от всех остальных, *словянский язык* (ѩзыкъ словѣньскъ), как называли его тогдашние его пользователи, вскоре после прихода болгарских братьев Константина-Кирилла и Мефодия в Великую Моравию стал, с согласием папы римского Адриана II в 868 г., четвертым литургическим языком – наряду с греческим, латинским и древнееврейским. Несмотря на постепенное формирование отдельных литературных славянских языков (особенно на западославянской и в западной части южнославянской территории), старославянский язык, как и произошедший от него церковнославянский язык, сохранил за собой характер наднационального (межславянского) языка, играющего роль литургического и книжного (литературного) языка в области *Slavia orthodoxa* и в Румынии вплоть до XVIII в.¹

2. Изучение старославянского языка с самого начала исследовательского интереса к нему тесно связано с вопросом влияния на этот язык двух основных культурных языков того времени, т.е. греческого и латинского. Вследствие того, что на старославянский язык переводились, за несколькими исключениями, греческие источники, главную роль в формировании старославянского как литературного (книжного) языка сыграл греческий язык, так как именно он помог старославянскому языку создать адекватные выразительные средства, способствующие интеллектуализации языка и служащие более точному выражению мысли. Греческий язык, помимо влияний на синтаксическом и стилистическом уровнях, имел и прямое влияние на развитие старославянского словарного запаса, особенно в терминологии религиозно-философской, литургической и административной. Наряду с прямыми заимствованиями греческих лексем образовывались также слова от славянских основ с существенной помощью греческой словообразовательной модели, а богатая семантика греческих выражений переходила к их славянским эквивалентам.

3. Лексическое богатство старославянского языка на его древнейшем этапе представил в полном объеме лишь *Slovník jazyka staroslověnského I.-IV.* (Praha 1966, 1973, 1983, 1997; далее ССЯ), который издавался сначала под редакцией Й. Курца

¹ F. V. Mareš, Древнеславянский литературный язык в Великоморавском государстве. Вопросы языкознания 10/2 (1962) с. 12-23.

(1901-1972) и был закончен после его смерти под руководством Зоэ Гауптовой.² В *Словарь старославянского языка*, ставший завершением предыдущих попыток представить словарный запас старославянского языка, были включены, с определенными сознательными расширениями границ, все памятники великоморавского происхождения, сохранившиеся как от эпохи канонического старославянского языка (до конца XI в.), так и в более поздних церковнославянских списках. В словарь были включены также и те церковнославянские памятники, которые по всей вероятности были созданы в Чехии эпохи пржемысловичей до конца XI в. *Словарь старославянского языка* своей оригинальной концепцией внес заметный вклад в конституирование палеославистической лексикографии второй половины XX века. О его значении и необходимости свидетельствует и его репринт, изданный в Санкт-Петербурге (Санкт-Петербург 2006). Помимо данного словаря, на основе международного сотрудничества был составлен также *Старославянский словарь по рукописям X-XI вв.* (Москва 1994, второе фототипическое издание 1999), изданный под редакцией Рали Михайловой Цейтлин, Радослава Вечерки и Эмилии Благовой, в который был включен материал лишь рукописей старославянского канона. Для этого словаря Зденка Рибара разработала *Indexy k Staroslověnskému slovníku / Indexes to the Old Church Slavonic Dictionary / Указатели к Старославянскому словарю* (Praha 2003), содержащие словник данного словаря, указатель вариантовых форм заглавных слов словарных статей, указатель омонимов, указатель возвратных глаголов, указатель имен собственных, обратный и частотный словари, а также перечень всех новых заглавных слов словарных статей, которые будут включены в подготавливаемое второе издание. И *Словарь старославянского языка*, и *Старославянский словарь по рукописям X-XI вв.* уделяют внимание иноязычным источникам, на основе которых создавались переводы на старославянский язык: в старославянских словарных статьях регистрируются соответствующие греческие и латинские параллели. К сожалению, эти вспомогательные данные не всегда дают возможность полностью постичь тонкие семантические различия всех приведенных лексем (особенно глаголов) и нюансы, возникавшие при переводе с греческого (или латинского) языка на старославянский.

4. Потребность в создании греческо-старославянского словаря ощущается в мировой палеославистике примерно с начала XX в., когда вообще возрастает интерес к изучению техники перевода старославянских и церковнославянских памятников. На реализацию этого предприятия рассчитывал уже в 1942 г. Й. Курц, формулируя проект *Словаря старославянского языка*.³ В том же году при Чешской академии наук и искусств была создана Комиссия по старославянскому словарю под руководством Богуслава Гавранека (1893-1978), которая определила концепцию, способ обработки и примерный объем *Словаря старославянского языка*, а также критерии отбора старославянских источников. Работы по эксцерпированию

---

² Развитие старославянской лексикографии резюмировал F. V. Mareš, *Altkirchenslavische Lexikographie*, In: Wörterbücher-Dictionaries-Dictionnaires. Ein internationales Handbuch zur Lexikographie. An International Encyclopedia of Lexicography. Encyclopédie internationale de lexicographie. Ed. F. J. Hausmann, O. Reichmann, H. E. Wiegand, L. Zgusta. 2. Teilband, Berlin-New-York 1990, с. 2255-2268.

³ История проекта ССЯ, способ его разработки и описание обработки картотечных карточек изложены в нескольких публикациях, особенно см. J. Kurz, *Můj návrh na pokračování v přípravných pracích o staroslověnském slovníku*. In: Pocta F. Trávníčkovi a F. Wollmanovi, Brno 1948, с. 286-309; и *Slovník jazyka staroslověnského I.*, Praha 1966, с. I-IV.

начались уже в 1943 г., причем параллельно со старославянскими эксперсиями готовились также обратные карточки (греческие, латинские или древневерхненемецкие), где на первом месте стоял язык источника старославянского перевода, и таким образом наряду с основной старославянской картотекой образовывались как обширная греческо-старославянская картотека, так и две небольшие картотеки – латинско- и древневерхненемецко-старославянская. В 1957 г., когда началась разработка отдельных старославянских словарных статей, греческие карточки были расставлены в алфавитном порядке и послужили вспомогательным средством при подборе старославянских синонимов, приводимых в словарных статьях *Словаря старославянского языка*. В шестидесятых годах работа по выписыванию на карточки была закончена, в первой половине семидесятых годов постепенно проводилась проверка отдельных карточек, материал был дополнен вариантными чтениями (особенно библейские тексты) и недавно идентифицированными греческими источниками (напр. *Супрасльский кодекс*). На этом этапе карточки были окончательно рассортированы и упорядочены так, что примарным критерием стал греческий алфавит, вторым старославянский эквивалент, третьим система расположения старославянских памятников (см. приложение с. 73). В это время материал картотеки был пополнен еще и текстом *Написания о правой вере*, к которому удалось найти греческий источник.⁴ В 90-ые годы XX века в греческо-старославянскую картотеку был включен также материал некоторых найденных в 70-ые годы в монастыре св. Екатерины на Синае глаголических памятников. Из найденных тогда четырех глаголических рукописей, принадлежащих к каноническим памятникам, в картотеку можно было включить лишь две (новую часть Синайского евхология, cod. glag. 1/N и новую часть Синайской псалтыри, cod. glag. 2/N). К сожалению, невозможно было включить в картотеку ни лексический материал древнейшего фрагмента минеи (sign. cod. glag. 4/N), так как она до сих пор не опубликована полностью, ни очень плохо читаемую рукопись sign. cod. glag. 5/N, называемую также *Глаголический миссал*. Расписан на карточки был также недавно обнаруженный и изданный *Ватиканский палимпсест*, который расширил количество евангельских текстов.

5. Специфика греческо-старославянской картотеки. Важным фактором является то обстоятельство, что лексический фонд для пражских картотек извлекался, прежде всего, из изданий старославянских памятников, доступных в первой половине XX века, и лишь в исключительных случаях были использованы фотокопии рукописей славянских памятников, которые были изданы не полностью или не были изданы совсем (напр. *Григоровичев паримейник*, *Закон судный людем*, *Номоканон*, в последние годы также новая часть *Синайского евхология*). Из этого следует, что эксперсирование каждого памятника зависило от метода обработки используемого издания. Греческо-старославянская картотека содержит в настоящее время приблизительно 800 000 карточек. Это количество надо, однако, воспринимать как относительное, так как некоторые памятники одинакового содержания расписывались вместе на одну карточку (напр., выписки из Мариинского кодекса вместе с данными Зографского кодекса и т.п.); особые карточки создавались только для неодинаковых лексем или для мест, не подтвержденных в основной рукописи. Определяющим фактором является и то обстоятельство, что, в отличие от

---

⁴ Более подробный обзор см. I. Páclová, *Ke koncepci řecko-staroslověnského slovníku*. Slavia 55 (1986) с. 238.

старославянских карточек, приводящих также контекст, в котором данное слово подтверждено, греческо-старославянские карточки регистрируют лишь сами лексемы, без контекста. Некоторую проблему представляет собой и отсутствие дефиниции грамматических категорий греческих глаголов, у которых без контекста иногда невозможно определить омонимию форм. Лишь после упорядочения картотеки выявились проблемы, состоящие в том, что при расположении таким образом материале уже довольно трудно реагировать на новейшие сведения о греческих источниках и разночтениях. Не принималось также во внимание сегодня уже считающееся классическим издание греческого Нового Завета К. Аланда (K. Aland) или издание греческого профетологии К. Хега (C. Høeg) и Г. Цунца (G. Zuntz) при эксцерпировании старославянского паримейника. Несмотря на определенные недостатки, карточки греческо-старославянской картотеки дают целый ряд ценных сведений, которые традиционные лексикографические работы до сих пор не могли зафиксировать. Ее значение состоит и в том, что она содержит также эксцерпции из тех старославянских памятников, которые по целому ряду причин не были включены в разрабатываемый *Греческо-старославянский указатель*; напр., все чешские церковнославянские памятники или библейские и иные цитаты из некоторых подлинных старославянских памятников.

6. Развитие концепции Греческо-старославянского указателя. Вопросом создания лексикографического произведения на основе греческо-старославянской картотеки в середине 70-х гг. особенно много занимался Владимир Киас (V. Kyas, 1917-1990). Его замысел заключался в составлении двуязычного греческо-старославянского словаря, который по построению словарных статей копировал бы *Словарь старославянского языка*. В этом проекте предполагалось, что рядом с отдельными старославянскими эквивалентами будет приводиться лишь перечень славянских памятников, содержащих данную лексему, дополненный данными о ее частотности. В 1976 г. по данной проблематике состоялось заседание чешских специалистов в области палеославистики и классической филологии, на котором обсуждались возможности и методы разработки словарных статей предполагаемого лексикографического произведения. Информацию о заседании опубликовал В. Киас в статье *Příprava řecko-staroslověnského slovníku* (Listy filologické 101, 1978, 236-238).⁵ После него вопросом концепции занималась, главным образом, Илона Пацлова (1933-1988), которая в 80-х гг. провела проверку греческо-старославянской картотеки и в 1985-1988 гг. составила ее подробный словарь. Пацлова тщательно обдумала возможности картотеки, сформулировала четкие принципы обработки греческо-старославянского словаря и опубликовала несколько показательных словарных статей. В отличие от проекта В. Киаса, ее проект предполагал определенную семантическую дифференциацию греческих словарных статей при помощи латинских эквивалентов с указанием на некоторые проблемы техники перевода глаголов. Ее проект вышел под названием *Ke koncepci řecko-staroslověnského slovníku* (Slavia 55, 1986, 237-346). После ее смерти руководство проектом взяла на себя Эмилия Благова, которая попыталась найти компромисс между греческо-старославянским словарем и предлагаемым некоторыми исследователями греческо-старославянским index verborum, значимость которого была бы, однако, – ввиду определенных расхождений в эксцерпировании, – лишь относительной. Благова модифицировала

---

⁵ См. также V. Čermák, *Z historie Řecko-staroslověnského indexu*. In: Církevněslovanská lexikografie 2006. Praha 2007, c. 53-60.

проекты своих предшественников и разработала концепцию греческо-старославянского указателя таким образом, чтобы из материала греческо-старославянской картотеки можно было извлечь максимальное количество информации и чтобы это произведение одновременно дополняло данные *Словаря старославянского языка*. Ее проект, вместе с пробными словарными статьями, опубликовала Яна Швабова в статье *Ke koncepti řecko-staroslověnského indexu* (*Slavia* 60, 1991, 329-335). Этот проект указателя ставил своей целью, прежде всего, тщательную разработку техники перевода глаголов. На основе этого проекта разрабатывались отдельные греческо-старославянские словарные статьи вплоть до 1996 г. В связи с другими задачами палеославистического отдела эти работы были временно приостановлены; они возобновились в 2004 г. опять под руководством Э. Благовой. Время, прошедшее с тех пор, потребовало переоценки задуманного проекта, и коллектив авторов договорился о некоторых упрощениях, помогающих лучше ориентироваться в словарных статьях. Вацлав ЧЕРМАК изложил изменения и представил краткий обзор концепции разрабатываемого Греческо-старославянского указателя в статье *K finální podobě Řecko-staroslověnského slovníku-indexu* (*Slavia* 76, 2007, 39-46).

7. Авторы греческо-старославянских словарных статей. Разработка отдельных словарных статей Греческо-старославянского указателя началась под руководством Э. Благовой в 1989 г. В работе кроме нее принимали участие Людмила Пацнерова (в 1989-1996 гг.), Яна Швабова (1989-1995), Милена Пржикрылова (1989-1991) и Петра Феткова-Станковска (1994-1996). После возобновления проекта в 2004 г. опять под руководством Э. Благовой, в работе приняли участие еще и Зденка Рибара, Вацлав Чермак, Ярмила Варжекова, а с 2006 г. также Лукаш Забрански.

8. Греческо-старославянский указатель является результатом многолетних поисков оптимальной формы, которая дала бы возможность как можно нагляднее представить материал, который собирался долгие годы. По своей концепции, способу обработки и совокупности источников он является непосредственным продолжением *Словаря старославянского языка* и был задуман как его вторая, самостоятельная часть. Обе части, которые дополнит параллельно издаваемый *Etymologický slovník jazyka staroslověnského* (Praha 1989-), будут таким образом после завершения представлять собой самую обширную и самую подробную обработку лексического фонда старославянского языка. Термин «указатель» используется, несмотря на целый ряд данных словарного характера, в названии нашего лексикографического пособия намеренно, хотя бы потому, что греческие и старославянские эквиваленты приводятся без определений их семантики, которые для греческого языка можно найти в доступных греческих словарях, а для старославянской лексики – в *Словаре старославянского языка*.

9. В *Греческо-старославянский указатель* включены старославянские памятники великоморавского происхождения с греческим источником и некоторые тексты, возникшие позже, но дошедшие до нас в рукописях XI в. (Супрасльский сборник, Синайский евхологий). Данное лексикографическое произведение ставит своей целью оценить старославянский словарный состав с точки зрения греческой лексики и прежде всего представить важные данные о богатстве и размере старославянской синонимии, о расширении и спецификации семантики старославянских слов под влиянием греческого языка, о словообразовании, формировании старославянских терминов и о заимствовании слов из греческого языка. При сравнении греческого лексического инвентаря со старославянским становится также

более заметными жанровые и региональные варианты старославянского словарного состава и индивидуальные черты техники перевода. Значение данного лексикографического пособия состоит также в том, что оно представит все экспериментированные греческие эквиваленты, включая те, которые в *Словаре старославянского языка* по разным причинам не приводились исчерпывающим образом. Пользователю указателя следует, однако, постоянно иметь в виду, что в некоторых случаях греческая лексема представляет собой лишь параллель к старославянской лексеме, а не ее прямой источник, так как до сих пор не удалось однозначно определить греческие оригиналы, с которых были переведены отдельные тексты. Необходимость лексикографического произведения этого типа подтверждают также новые публикации других исследователей, напр., И. Лусен (I. Lysén) *Греческо-старославянский конкорданс к древнейшим спискам славянского перевода евангелий* (Uppsala 1995), представляющий материал четырех старославянских евангельских памятников, и *Речник на грчко-црковнословенски лексички паралели* (Скопје 2003) под редакцией М. Аргировского, в котором разработана часть материала словаря македонской редакции (*Речник на црковнословенскиот јазик од македонска редакција*, Скопје, I, 2006), издаваемого под редакцией З. Рибаровой.

10. *Греческо-старославянский* указатель по способу обработки, по содержащейся в нем информации и по размеру является первым изданием такого рода в мировой славистике. Он предназначен, в первую очередь, для палеославистов и славистов, так как наглядно демонстрирует формирование словарного запаса первого литературного языка славян – старославянского языка, выявляет развитие словарного запаса старославянского языка великоморавского периода и показывает дальнейшие тенденции развития в болгарской, македонской, русской, хорватской и сербской областях, включая перцепцию великоморавских памятников на более поздних этапах церковнославянского языка. Ценные сведения он дает также языковедам, византологам, изучающим перцепцию византийской культуры у славян, а также теологам, историкам и историкам искусства, занимающимся «славянской» медиевистикой.

Вацлав Чермак

Перевод на русский язык: *Ивета Крейчициржова, В. С. Ефимова*